

Стивен Бене

Очарование

Перевод с английского
Виктора Голышева

ФТМ

Стивен Бене

Очарование

«ФТМ»

Бене С. В.

Очарование / С. В. Бене — «ФТМ»,

«В молодости я читал много, а теперь книги меня только злят. Мэриан без конца носит из библиотеки, и случается, я беру и прочитываю несколько глав, – но рано или поздно натыкаешься на такое место, что с души воротит. Не в смысле похабщины – а просто глупость, где люди ведут себя так, как в жизни никогда не ведут. Правда, читает она все больше про любовь. А это, пожалуй, самые плохие книги. И что я совсем не могу взять в толк – денежную сторону. Чтобы выпить, нужны деньги, чтобы с девушкой гулять, нужны деньги, – по крайней мере таков мой опыт. А в этих книгах люди будто изобрели особые деньги – их тратят только на вечеринки и путешествия. Остальное время по счетам платят, судя по всему, вампумом...»

© Бене С. В.

© ФТМ

Стивен Винсент Бене

Очарование

В молодости я читал много, а теперь книги меня только злят. Мэриан без конца носит из библиотеки, и случается, я беру и прочитываю несколько глав, – но рано или поздно натыкаешься на такое место, что с души воротит. Не в смысле похабщины – а просто глупость, где люди ведут себя так, как в жизни никогда не ведут. Правда, читает она все больше про любовь. А это, пожалуй, самые плохие книги.

И что я совсем не могу взять в толк – денежную сторону. Чтобы выпить, нужны деньги, чтобы с девушкой гулять, нужны деньги, – по крайней мере таков мой опыт. А в этих книгах люди будто изобрели особые деньги – их тратят только на вечеринки и путешествия. Остальное время по счетам платят, судя по всему, вампумом.

Конечно, в книгах часто встречаются и бедные люди. Но тогда уж до того бедные, что оторопь берет. И часто, когда дело уже совсем швах, вдруг откуда ни возьмись – хорошенькое наследство, и новая жизнь открывается перед ними, как красивый тюльпан. Да... я получил наследство только раз в жизни и знаю, что я с ним сделал. Оно меня чуть не угробило.

В 1924 году умер в Вермонте дядя Баннард, и когда его состояние перевели в деньги, Лу и мне досталось по 1237 долларов 62 цента. Муж Лу вложил ее деньги в торговлю недвижимостью Большого Лос-Анджелеса – они живут на Западном побережье – и, кажется, поместил их удачно. Я же свои взял, уволился из фирмы «Розенберг и Дженингс», галантерея и механические игрушки, и переехал в Бруклин, писать роман.

Теперь, когда вспомнишь это, оторопь берет. Но в ту пору я был помешан на чтении и писательстве и сочинял кое-какую рекламу для фирмы, очень удачно. Тогда все наперебой кричали о «новых американских писателях» и дело казалось беспроектным. Я не попал на войну – когда она кончилась, мне было семнадцать – и в колледж не попал из-за смерти отца. В сущности, после школы я мало делал того, что было бы мне по душе, хотя галантерейное дело – дело не хуже других. Поэтому как только появилась возможность вырваться на волю, я вырвался.

Я решил, что на 1200 долларов легко проживу год, и сперва подумал о Франции. Но тут началось бы занудство – учить их язык, да еще дорога туда и обратно. Кроме того, я хотел находиться поблизости от большой библиотеки. Я задумал роман об Американской революции, ни больше, ни меньше. Я прочел «Генри Эсмонда» не знаю сколько раз и хотел написать книгу наподобие его.

Надо думать, Бруклин для меня выбрали мои новоанглийские предки. Да, конечно, они были пионерами – но, боже мой, до чего они ненавидели всякий риск, кроме крупного! И я такой же. Когда я иду на риск, мне необходим порядок в мыслях.

Я решил, что в Бруклине буду так же избавлен от общества, как где-нибудь в Пизе, только здесь гораздо удобнее. Я знал, какого размера должен быть роман – для нескольких книг я произвел подсчет, – и купил сколько надо бумаги, подержанную машинку, резинки и карандаши. На это ушли почти все наличные. Наследство я поклялся не трогать, пока не примусь за работу. Но в тот солнечный осенний день, когда я сел в метро и поехал за реку искать квартиру, я чувствовал себя великолепно – честное слово, так, будто отправился на поиски клада.

В Бруклин меня завели, может быть, и предки, но вот почему я попал к миссис Фордж – совсем уж нельзя понять. Старый Сражатель Саутгейт, тот, которого беспокоили ведьмы, вероятно, сказал бы о ее доме, что это демонская западня, нарядившаяся цветником. И, оглядываясь назад, не могу утверждать, что он ошибся бы.

Миссис Фордж открыла дверь сама – Сирины не было дома. Они давно говорили о том, чтобы дать объявление в газету, но так и не собрались; а повесить его на стену они, естественно, не желали. Я никогда бы не позвонил к ним в дверь, если бы дом не показался мне именно таким, о каком я думал. Тем не менее, когда она ко мне вышла, я счел, что ошибся. И знакомство наше началось с того, что я попросил прощения.

На ней было черное шелковое платье с белыми кружевными манжетами и воротником – словно она собралась ехать в коляске, с визитом. Стоило ей заговорить, я сразу догадался, что она южанка. У них у всех был такой голос. Описать его мне все равно не удастся. Нет ничего хуже подвыва южан – даже гундосый новоанглийский выговор приятнее. Но у них этого подвыва не было. Их голоса навевали мысли о солнце, неспешных послеполуденных часах и ленивых реках – и о времени, времени, времени, просто текущем как поток, никуда в особенности, но веселом.

Видимо, ей понравилось, что я попросил прощения: она пригласила меня войти и дала кусок фруктового пирога с лимонадом. Я слушал ее разговор, и чувство возникало такое, как будто я долго был замерзшим и только-только начинаю согреваться. В леднике всегда стоял кувшин лимонаду, но девушки охотнее пили кока-колу. Я видел, как они пили ее, придя с метели морозной зимой. Они вообще не уважали холод и потому делали вид, что его как бы не существует. Это было в их характере.

Комната оказалась точно такой, какую я хотел, – большая и солнечная, она выходила на маленький задний двор с останками декоративного кустарника и какой-то долгомерной травой. Забыл сказать: дом стоял в старом переулке недалеко от Проспект-парка. Впрочем, неважно, где он стоял. Его, наверно, уже нет.

Знаете, мне пришлось собрать всю мою храбрость, чтобы спросить у миссис Фордж о цене. Она была очень вежлива, но почему-то я чувствовал себя ее гостем. Не знаю, будет ли это вам понятно. А она не смогла мне ответить.

– Видите ли, мистер Саутгейт, – сказала она мягким, кротким, беспомощным голосом, льющим неукротимо, как вода, – очень жаль, что вы не застали мою дочь Еву. Когда мы приехали сюда, чтобы моя дочь Мелисса училась живописи, моя дочь Ева поступила на коммерческую должность. И как раз сегодня утром я ей говорю: «Ева, милая, представь себе, что Сирина отлучилась и приходит какой-нибудь молодой человек поинтересоваться этой комнатой. Ему надо что-то отвечать, деточка, и я буду в очень неудобном положении». Но тут мальчики на улице подняли крик, и я даже не расслышала как следует ее ответа. Так что если вы спешите, мистер Саутгейт, я просто не знаю, как нам быть.

– Я могу оставить задаток. – К этому времени я успел заметить, что в черном шелке дырка и что на ней стоптанные бальные туфли – неправдоподобно маленькие. И все равно выглядела она как герцогиня.

– Да, наверно, можете, мистер Саутгейт, – ответила она без всякого интереса. – Вы, северные джентльмены, все такие деловитые. Я вспоминаю, как говорил перед смертью мистер Фордж: «Зови их ч... янки, Милли, если тебе угодно, но нам надо жить с ними в одной стране, а я среди них встречал и безрогих». Мистер Фордж любил пошутить. Так что, понимаете, мы привыкли к северянам. Мистер Саутгейт, вы случайно не родственник Саутгейтам из Мобила? Сейчас ваше лицо на свету, и мне кажется, вы чем-то на них похожи.

Я не стараюсь воспроизвести ее выговор, он был едва слышен, почти незаметен. Но речь текла именно так. Не только у нее, у дочерей тоже. В этом не было нервозности, и они не старались произвести впечатление. Разговаривать им было так же легко и покойно, как большинству из нас молчать; а что разговор никуда не вел – так они к этому и не стремились. Он был как наркотик – он превращал жизнь в сон. А жизнь, конечно, не сон.

В конце концов я просто отправился за вещами и въехал. Я не знал, сколько я плачу и какая еда будет включена в плату, но почему-то чувствовал, что все в должное время обо-

значится. Вот как подействовали на меня полтора часа в обществе миссис Фордж. Однако я твердо решил достигнуть ясности с «моей дочерью Евой», судя по всему распоряжавшейся делами семьи.

Когда я вернулся, мне открыла Сирина. Я дал ей пятьдесят центов, чтобы завоевать ее благосклонность, и она невзлюбила меня сразу и навсегда. Она была маленькая, черная, высохшая, с маленькими глазками-искрами. Не знаю, сколько она у них прожила, но мне представлялось, что она растет на семье, как омела, с незапамятных времен.

Когда она запевала на кухне, у меня было чувство, что она насылает на меня персональное проклятье. «Птичка сладкая моя, – заводила она речитативом, – со сладкой птичкой моей никто не улетит. Старый коршун крылья расправлял – хлоп, хлоп, – охотник с ружьем его увидал – хи, хи, хи, – старого коршуна стрелял, мою птичку сладкую не поймал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.